**СОСТОЯНИЕ ХОЗЯЙСТВА И БЛАГОСОСТОЯНИЕ КРЕСТЬЯН
БОРИСОВСКОЙ ВОТЧИНЫ ШЕРЕМЕТЕВЫХ ГРАЙВОРОНСКОГО УЕЗДА
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

© 2021 Л. М. Рянский¹, Р. Л. Рянский²

¹ докт. ист. наук, профессор кафедры истории
e-mail: rianskij@mail.ru

² докт. ист. наук, ст. науч. сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси
e-mail: juilar1300@gmail.com

Курский государственный университет

В статье представлены результаты комплексного исследования положения крепостного населения Борисовской вотчины Шереметевых в конце XVIII – первой половине XIX в. Установлено, что благосостояние крестьян в указанный период в целом было как минимум стабильным. Рост потенциала крестьянских хозяйств опережал в общем незначительное повышение владельческих и государственных налогов и повинностей.

Ключевые слова: вотчина, крестьяне, ремесло, торговля, земельные наделы, повинности, средний рост, рекруты.

**SERF PEASANTS FARMS ECONOMIC CONDITION
AND SERF POPULATION WELFARE LEVEL
IN BORISOVKA SHEREMETEVS PATHRIMONY OF THE GRAYVORON UYEZD
FROM THE END OF 18TH TO THE 1ST HALF OF THE 19TH CENTURY**

© 2021 L. M. Ryansky¹, R. L. Ryansky²

¹ Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History
e-mail: rianskij@mail.ru

² Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher,
South-East of Ruthenia Research Institute
e-mail: juilar1300@gmail.com

Kursk State University

In article presented complex research results of the serf population status in Borisovka Sheremetevs patrimony from the end of 18th to the middle of 19th century. Fixed that during specified time period generally welfare level of the serf peasants was stable at list. Peasant farms economic potential parameters growth exceed insignificant increase of the owner's and state duties.

Keywords: serfowners' economy, serf peasants, handicrafts, trade, allotments, duties, medium height, recruits.

Прошлое крепостной деревни – важная составная часть истории дореволюционной России. В отечественной историографии этой теме уделялось значительное внимание и, надо сказать, были достигнуты несомненные успехи в ее изучении. Объектом исследования были и владения Шереметевых – крупнейших после царской фамилии землевладельцев и душевладельцев, которым в Курской губернии

принадлежало несколько имений, в том числе Борисовская вотчина, располагавшаяся в Грайворонском уезде.

Помещичьи крестьяне, вопреки распространенному представлению, не были «единой закрепощенной массой». Так, еще в 1980 г. отмечалось: «Барщинные селения были не вполне похожи на оброчные... Вовсе не одинаково чувствовали себя крестьяне в имении хозяина-помещика или рядового вотчинника, уверенного в том, что его дети унаследуют именно это владение и этих крестьян. Да и размеры имений, их населенность, местоположение тоже имели значение» [2, с. 251]. История Борисовской вотчины интересна и актуальна как раз в этом отношении.

Информация об истории данной вотчины в первой половине XIX в. не отличается исчерпывающей полнотой. Отдельные факты приводятся в обобщающем труде К.Н. Щепетова [38]. Весьма ценной является «История Борисовского края», содержащая уникальный архивный материал, относящийся к XVIII – началу XIX в. К сожалению, история предреформенных десятилетий в ней представлена слабо [19].

В настоящей статье предпринимается попытка исследовать хозяйство, социально-демографические аспекты жизни крестьян и оценить степень их благосостояния в обозначенных хронологических границах. Для разрешения поставленных задач привлечены разнообразные источники. Самая ценная информация отложилась в документации, хранящейся в обширном личном фонде Шереметевых [23]. Особенно информативными являются документы, связанные с описанием имения в 1858 г., и само описание. В них приводятся сведения о крестьянских наделах и повинностях, арендных и продажных ценах на землю, плате наемным работникам, различных крестьянских промыслах, размерах отхода на заработки, числе грамотных селян, функциях крестьянской «громады» (общины), порядке раскладки оброка, мирских и государственных платежах. Однако большим минусом фонда является отсутствие подворных описей слободы Борисовки и других селений вотчины первой половины XIX в.

Для изучения демографических процессов в вотчине привлекались ревизские сказки IX ревизии [12; 13; 14].

Исключительно значимыми для данного исследования мы считаем формулярные списки рекрутов, хранящиеся в ряде фондов Государственного архива Курской области, которые содержат антропометрические показатели новобранцев [3; 9].

Вопрос об обстоятельствах возникновения слободы Борисовки является дискуссионным. Долгое время считалось, что она была пожалована Петром I Б.П. Шереметеву в 1705 г. Однако авторы «Истории Борисовского края», основываясь на документах, доказывают, что на самом деле в 1695 г. земля досталась полковнику М.Я. Кобелеву и на ней уже существовала деревня Курбатова, ставшая ядром слободы Борисовки. При этом ее название никак не связано с именем петровского фельдмаршала. А уже в 1705 г. Кобелев уступил эту землю Б.П. Шереметеву.

В последующие годы администрация графа Шереметева успешно расширяет его владения путем скупки и захватов земель у однодворцев, помещиков и даже у монастыря. Так, с 1705 по 1736 г. было совершено всего 147 земельных приобретений [15].

Вотчина заселялась главным образом выходцами с Украины. Граф приказывал принимать именно их, а казаков и тем более беглых русских не принимать ни в коем случае. Дело в том, что, в отличие от русских беглецов, украинские переселенцы не были крепостными, а считались подданными малороссиянами (или «черкасами») [16]. Они имели право ухода от своего владельца. Но 16 декабря 1763 г. это право будет ограничено указом Екатерины II, согласно которому им можно было уходить, если

помещик давал на это письменное разрешение. Правда, некоторые крестьяне подделывали «отпускные билеты» и уходили от владельца [37].

Чтобы завершить вопрос о правовом положении подданных «черкас», сразу отметим, что по окончании IV ревизии издается закон 3 мая 1783 г., в соответствии с которым украинские крестьяне должны были оставаться на тех местах, где их застала (с фиксацией в ревизских сказках) IV ревизия. Вскоре действие закона 1783 г. было распространено на Слободско-Украинскую, Курскую и Воронежскую губернии. Успеху этого закрепощения поспособствовало и то, что Екатерина II распространила на казацкую старшину права русского дворянства [20, с. 130].

Но возвратимся к истории слободы Борисовки. Помимо возможности ухода на волю, «подданных малороссиян» привлекали, например, освобождение от уплаты оброка на определенный срок или помощь в обзаведении хозяйством, защита от произвола государственных чиновников. Поэтому вотчину покидали, по-видимому, немногие, и ее население быстро умножалось. В 1775 г. в ней уже насчитывалось 10 639 душ мужского пола и, вероятно, приблизительно столько же – женского. Сама Борисовка превратилась в огромное селение с четырьмя церквями (в т.ч. двумя каменными). Однако быстрый рост населения порождал дальнотерриториальность. Отдаленные от слободы наделы было трудно обрабатывать, поэтому некоторые крестьяне строили на них свои хутора, с которых в дальнейшем начиналось создание новых селений. Так, к примеру, возникло довольно большое селение – Гостино-Безсоновские хутора [17]. Похоже, некоторыми дальними участками крестьяне пользовались даром. По крайней мере, в «громадском приговоре» (решении общинного схода. – *Авт.*) схода от 22 августа 1798 г. сказано: «а которая есть вместе (т.е. в одном массиве. – *Авт.*) без покупки [земля] десятин по двадцати и более и на той земли строения хуторного не имеетца, то оную поверстать с прочими наряду в раздел... и числить на каждый оклад (тягловый надел. – *Авт.*) по прежнему 15 десятин» [24, л. 13].

По-видимому, если не все, то часть хуторов использовались для выпаса скота. В Борисовке крестьяне содержали значительное поголовье рогатого скота. Согласно военно-статистическому описанию, в 1818–1819 гг. в слободе насчитывалось 708 дворов, 6 089 душ мужского пола и 6 009 – женского, 1 416 лошадей и 4 540 голов крупного рогатого скота (или по 6,4 головы на двор!) [22, л. 131]. Скот был необходим для подъема целины, чумацкого промысла и, возможно, для продажи, разумеется, откормленных бычков, здесь неучтенных. (Именно так поступали зажиточные крестьяне соседней Ракитянской вотчины Юсуповых. – *Авт.*). Военных же, насколько нам известно, интересовали взрослые животные, пригодные с точки зрения транспортировки войск и грузов. Целинные и залежные земли распахивались тяжелым плугом, запряженным двумя, а то и четырьмя парами волов [1, с. 170].

Черноземные почвы были плодородными и давали неплохие по тем временам урожаи. Так, Багалея приводит следующие значения урожайности на Слобожащине: озимая рожь – сам-7, озимая пшеница – сам-5, овес – сам-9, ячмень – сам-7, ганус (бадьян) – сам-10, мак – сам-20 [Там же]. Примерно такая же урожайность прослеживается в тот же период времени в близлежащей Ракитянской вотчине Юсуповых [36, с. 156]. Неслучайно в Борисовской вотчине было построено большое количество водяных и ветряных мельниц. Очевидно, здесь производилось много зерна.

В ряде селений развивалось товарное огородничество. Первоначально оно возникло в селе Стригунах. Местный сорт лука народной селекции «стригуновский» стал одним из символов российского огородничества. Затем оно стало широко распространяться на другие селения вотчины. В Стригунах перед реформой 1861 г.

средний доход с десятины огородной земли доходил до 40 руб. серебром, тогда как с десятины озимых – 10 руб., яровых – 6 руб. [31, л. 150].

Селяне выращивали очень много лука и чеснока и отправляли его большими партиями на Дон, в Одессу и Новороссию [31, л. 102об., 130, 150, 170].

Жители также занимались садоводством и пчеловодством, но гораздо большую роль в крестьянском хозяйстве играли местные и отхожие промыслы. В сущности, вотчина, а особенно слобода Борисовка, носила земледельческо-промысловый характер.

В начале XIX в., согласно описанию Борисовки, работали такие «рукомесленники», как иконописцы, золотари, сапожники, кушницы, портные, шапочники, кузнецы, ткачи, гончары, обручники, столяры, резчики, плотники, пильщики, печники. Женщины прядут пеньку, лен, овечью шерсть «для своих домашних обиходов», но «ткать холсты дают за деньги, по неизучению» профессиональным ткачам. «Некоторые торгующие крестьяне, беря кредит, наносят себе больше вреда, чем пользы, – сообщается в описании Борисовки, – поелику, когда у кого возьмут деньги, то оные проматываются и пропиваются» [25, л. 32об.–33].

В первой половине XIX в. промыслы продолжали развиваться. В описании 1858 г. названы такие ремесла, как шитье крестьянской и частично «усовершенствованной для торгового класса» обуви, разной одежды (особенно тулупов из выделанных овчин), столярное, плотницкое, печное, кожевенное, бондарное, кузнечное, малярное, экипажное, колесное, санное, гончарное, кирпичное, свечносальное, свечновосковое, ткацкое (включая набойку и окраску) дело и дальний извозный промысел. Также развивалась живопись («портретная и иконная на досках и полотне»). Широко распространено было и мельничное дело: в одной только Борисовке насчитывалось 9 водяных и 116 ветряных мельниц, а всего в вотчине – 23 водяные и 182 ветряные [31, л. 103, 127об., 150об., 162об., 187]. Успешно развивалась торговля. В Борисовке на базарной площади были выстроены 84 лавки и «складочных» амбара. В базарные и ярмарочные дни велась торговля сукнами, шелковыми материями, кожевенными и бакалейными товарами, чаем, сахаром, кофе, медом, воском, деревенским маслом, мукой, солью, свечами, калмыцкими и сибирскими мехами, разными изделиями из дерева, железа и свинца, смолой, дегтем, холстами, лошадьми, хлебом и др. Крестьяне на лошадях и волах возили товары в Крым, Одессу, Новороссию и другие места.

В середине XIX в. надел сократился: в Борисовке на мужскую душу приходилось в среднем 0,1 дес. усадебной земли, 1,7 дес. – пахотной и 0,07 дес. сенокосной; в Зыбиновой и Дмитриевке – 0,3, 1,6 и 0,03 дес. соответственно; в Ивановской, Лисице, деревне Ведилиной и Зайцевских хуторах – 0,2, 2,5 и 0,25 дес.; в Стригунах – 1,9 дес. всех угодий [31, л. 89об., 112, 129об., 138об.].

Учитывая, что Борисовская вотчина была земледельческо-промысловой и что крестьяне порой получали от промыслов не меньше жизненных средств, чем от земледелия, можно признать уровень обеспеченности их землей вполне удовлетворительным, а в Ивановской с прилегающими селениями – хорошим. Разумеется, бедные хозяйства не имели достаточного количества земли, но они и не несли повинности в полном объеме.

Мало того, кроме перечисленных земельных угодий, крестьяне пользовались лесом и его дарами. В 1858 г. в вотчине имелось 1611 дес. заказного господского леса и 4501 дес. – крестьянского. Крестьянские леса были разделены на участки и отданы крестьянам в «наследственное владение». Однако на этих участках они могли вырубать строевые деревья только с разрешения администрации графа Д.Н. Шереметева, а менее ценные деревья – по своему усмотрению. В слободах Борисовке и Ивановской, а также

в селе Стригунах находились особые леса площадью 489 дес., в которых предоставлялись участки для вырубki как крестьянам, так и для вотчинных построек. Крестьяне не имели права продавать деревья, полученные из этих лесов, эти деревья выдавались им только после пожаров и по другим «уважительным причинам» (на тес, брусья и т.п.) [32, л. 164–166].

В слободах Зыбиной и Дмитриевке крестьянам разрешалось собирать в помещичьем лесу плоды и ягоды, снимать дубовую и ивовую кору на дубильные вещества, ловить рыбу, просить место под мельницы «по особым за каждый предмет расценкам и таксам» [31, л. 99].

Участки у крестьян имелись не только наделенные, но и арендованные и даже покупные (хотя и на имя Шереметева). К сожалению, у нас мало сведений по данному вопросу. В частности, известно, что в 1750 г. крепостной графа Шереметева С. Бунчук, живший в Борисовке, имел 208 дес. собственной земли [37, с. 179]. По свидетельству К.Н. Щепетова, с 1770 по 1830 г. борисовские крестьяне купили 186 дес. земли [38, с. 355]. Возможно, крестьяне покупали землю и у своего владельца, хотя словом «покупная» могла обозначаться и аренда [24, л. 13]. Последняя интерпретация представляется нам более вероятной.

Все это позволяет заключить, что реальное землепользование крестьян, безусловно, превосходило обозначенное по наделам, полученное в соответствии с количеством наложенных на них тягол (в XVIII в. – окладов).

Благосостояние крепостных крестьян зависело не только от обеспеченности их земельными угодьями и возможностей получать жизненные средства за пределами своих хозяйств, но и от формы и интенсивности крепостнической эксплуатации. В этой связи показательно, что авторы описания вотчины 1858 г. так оценили меру эксплуатации местных крестьян: «Крестьяне сего имения постоянно платили и платят незначительный, в сравнении с крестьянами других помещиков, оброк, безвозмездно пользовались свободой в промыслах и разными льготами, богатея на счет помещика» [32, л. 173об.–174]. По нашему мнению, составители описания хотели сказать о недоэксплуатации крестьян, а это автоматически означает, что потенциал их хозяйств превосходил объем наложенных на них повинностей.

Действительно, в конце XVIII в., по нашим подсчетам, произведенным на основе «Экономических примечаний», в Хотмыжском (с 1838 г. Грайворонском) уезде, в котором более половины оброчных крестьян проживало в Борисовской вотчине, средний размер оброка в расчете на душу мужского пола составлял 2 руб. 30 коп. в переводе с ассигнаций на серебро [35, с. 53–54]. В Борисовской же вотчине величина оброка, скорее всего, была еще ниже.

В середине XIX в. в Борисовке и других селениях оброк составлял 4 руб. 4 коп. серебром, мирской сбор – 66 коп., вспомогательный капитал – 55 коп., государственные подати – 2 руб. 5 коп. на душу мужского пола. Платежи за дополнительные выгоды (пользование барским лесом, места под мельницы и т.п.) доходили до 2 руб. Последний платеж касался только тех, кто пользовался данными дополнительными выгодами, причем часть платежей направлялась на удовлетворение крестьянских потребностей. Например, вспомогательный капитал предназначался для «вспомоществования крестьян» при недородах, падежах скота и других бедствиях, то есть, по сути, являлся страховой суммой.

В связи с усиливавшимся расслоением крестьян размеры повинностей крестьян вотчины были дифференцированными: они распределялись «сообразно с положением каждого крестьянина, обуславливающимся большею или меньшею возможностью к исправному платежу» [31, л. 119, 120, 138–139об. и др.].

Помимо регулярных, на крестьян налагались и другие платежи – например, предназначенные для взяток и подкупа чиновников. В частности, в письме, датированном 1858 г., сообщается, что только одна часть огромной слободы Борисовки, состоявшей из трех частей, платила в иные годы от 5 до 10 тыс. рублей штрафных денег, «да целая куча арестантов, да таковая же чиновников-грабителей, которые пили, ели и за все это Борисовская экономия платила» [31, л. 119, 120, 138–139об. и др.]. При этом подобная практика имела глубокие корни. Например, в мирском приговоре от 23 марта 1798 г. полного громадского схода содержится следующий пункт: «объявить нам обществу от вотчинного правления о сборе денег на жалование господам чиновникам присутственных мест уездов и прочие расходы по 20 коп.» (с ревизской души. – *Авт.*) [24, л. 123].

Зажиточные крестьяне создавали самые крупные состояния в сфере торговли. В Борисовке в 1811 г. насчитывалось «купцов» (торгующих крестьян. – *Авт.*) 28 дворов с общим оборотом 28 550 руб. ассигнациями, в 1836 г. – столько же, в 1860 г. – 13 с оборотом 28 500 руб. серебром (или примерно 100 000 руб. в переводе на ассигнации по курсу конца 1830-х гг.) [38, с. 364–365].

В донесении борисовского жителя Ивана Безсалова изложена история обогащения некоторых крестьян. Трудно сказать, в какой мере она была типичной, но, учитывая более поздние и современные реалии в стране, ее можно считать имеющей основания претендовать на некие обобщения. Суть дела заключается в следующем.

Бывший борисовский «атаман» Иван Воденицкий и «земский» Иван Бражкин служили в вотчинном правлении «безисходно» 20 лет, преследуя цель обогатиться «нащет доходов господских и мирских». В 1811 г. они «склонили» сборщика податей Марусенкова отлучиться от своих обязанностей, «дав ему в товарищи отца своего Клима Бражкина, и отправили оных в крымские стороны для покупки соли, дав ему для обороту более десяти тысяч капиталу», в их числе 5 тыс. было взято из «господской суммы». Через 3 месяца Марусенков возвратился и занимался торговлей в пользу атамана и земского, поставив в г. Рыльск хлеба не менее чем на 10 тыс. рублей. Также в Борисовке скупалось сукно, которое отправлялось в г. Курск подрядчику для обмундирования рекрутов, для чего также брались мирские и господские деньги. В итоге, Марусенков и Воденицкий в течение 3 лет составили себе «значительный капитал»: Воденицкий – до 15 тыс. руб., Бражкин – до 25 тысяч [27, л. 1–3].

В то же время в вотчине проживало немало бедных крестьян, получавших часть средств существования от продажи своей рабочей силы.

Большую роль в управлении Борисовской вотчиной и вообще в жизни крестьян играла громада (община или «мир»). Вотчина была обширной, многонаселенной, к тому же «заглазной». Похоже, никто из владельцев, кроме фельдмаршала Б.П. Шереметева, в ней так и не побывал. Крестьяне, изначально привыкшие к довольно свободной жизни, состояли на оброке. В сложившейся ситуации другой тип управления был бы чересчур дорогостоящим и неэффективным, к тому же таил в себе опасность волнений. В связи с этим крестьянское самоуправление, пусть и ограниченное владельцем и вотчинной конторой, являлось объективной необходимостью. То, что в составе вотчины находилось много разбросанных селений, привело к возникновению сложной общины (общины-волости). Для решения вопросов, касавшихся вотчины в целом, в Борисовском вотчинном правлении собирался общий сход уполномоченных представителей местных «громад». При частных конторах (Зыбинской и др.) для решения своих частных вопросов собирались свои сходы. Так, в источнике по данному предмету сообщалось следующее: «Для общественного благоустройства исправляют свои должности при вотчинной и частных конторах, а именно: атаманов, старост, сборщиков податей, добросовестных, сельских десятских,

сторожей при конторах, магазинных вахтеров и караульщиков, участвуют в мирских сходах каждого общества и всей Борисовской вотчины, собираемых в отдельных вотчинных конторах для суждения о делах, исключительно их же участков вотчины касающихся» [32, л. 177].

В компетенцию общины входили важнейшие вопросы жизни крестьян и функционирования вотчины: «Исправлять сбор оброка возлагается на ответственность общества, в обязанности которого поставляется: высылать оброк по третям года при начале каждой и отсылать оный в положенные сроки бездоимочно». Способ сбора других платежей (мирских, казенных. – *Авт.*) был основан на том же начале», что и взимание оброка [31, л. 119–120].

Также «на произвол общества» отдавалось осуществление земельных переделов. Общие переделы производились каждые 12 лет [24, л. 13], частные – по мере необходимости, в связи с изменениями в демографическом составе вотчины [24, л. 15–16].

В обязанности «громады» входило осуществление полицейского надзора над крестьянами. Так, из мирского приговора от 12 марта 1798 г. узнаем, что из вотчины бежали, прихватив имущество, Алексей Якименко и Павел Капустин «с товарищи», но были задержаны в г. Изюме (они, видимо, хотели скрыться в Новороссии. – *Авт.*). За ними был послан поверенный Матвей Муковозов, издержавший в этой «командировке» 146 руб. 90 коп. мирских денег. На сходе приговорили: «вотчинному правлению по частям с Якименка и Капустина в общую сумму оные деньги взыскивать *позволяем* (курсив наш. – *Авт.*)». О каких-либо других, более суровых санкциях в приговоре ничего не сказано [24, л. 20]. Возможно, их не было.

С точки зрения «громады» вотчинное правление расходовало мирские деньги нерационально, поэтому в жалобе 60 крестьян предлагали избрать 6 «лучших» людей, «которые могли бы заведывать все по вотчине, а особливо по большим статьям вместе с Правлением расходы». При этом «общество» должно было заверять расходные ведомости мирским приговором и осуществлять контроль за жалованием земским [29, л. 6–6об.].

Складывается впечатление, что в некоторых случаях «громада» выступала даже как более высокая инстанция, чем вотчинное правление. Между двумя этими институтами возникали противоречия, а порой даже вспыхивали конфликты. Стороны могли взаимно обвинять друг друга в том, что контрагент выходит за пределы своей компетенции: община – в том, что правление «решает» и действует без санкции мира, а правление – в том, что община нарушает «положения Его Сиятельства».

Занимая свои должности «безысходно» многие годы, выборные лица отрывались от населения, обюрокрачивались, коррумпировались, могли проявлять самоуправство и бесконтрольно распоряжаться мирскими и даже господскими суммами и т.д. Приведенная выше история личного обогащения Воденицкого и Капустина свидетельствует в пользу хотя бы частичной справедливости обвинений Правления достаточно ярко и красноречиво. При этом подобные действия порой совершались в сговоре с управляющим вотчиной или при его попустительстве. Так, в частности, за разрешение крестьянину Ломакину перевезти мельницу от него потребовали дать главноуправляющему Клодту 10 «целковых» (т.е. 40 руб. асс. – *Авт.*) и купить ему рыбы за 6 руб., также дать старшему земскому 10 руб., атаману – 4 руб. и только после выполнения означенных требований «к перевозке оной мельницы допустили» [26, л. 1–2].

Индикаторами качества жизни людей считаются в числе прочих уровень образования и медицинского обслуживания. Документы свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения вотчины было неграмотным, что, впрочем, было для своего времени, скорее всего, правилом. Лучшее всего ситуация с грамотностью обстояла в слободе Борисовке, в которой на 1858 г. насчитывалось грамотных взрослых мужчин – 372, малолетних – 77, женщин – всего 13. В слободе действовало «учрежденное правительством народное училище», состоявшее, однако, на мирском содержании. В нем ежегодно обучалось до 50 детей. Наполняемость указанного учебного заведения была потенциально большей, но крестьяне, «частию по отдаленности, а частию по закоренелому убеждению непривычки к образованию очень мало отдают детей своих в училище» [28, л. 134]. Борисовское училище было подведомственно директору училищ Курской губернии. Жалование учителя составляло 400 руб. серебром в год. Помимо собственно денежной составляющей, ему предполагалось предоставление квартиры, обеспечение дровами и свечами, в то время как содержание священника составляло 200 руб. [29, л. 9]. В других селениях вотчины число грамотных жителей вотчины было неизмеримо меньше: например, в деревне Орловке – 2 чел., в селе Стригунах – 10, в селе Староселье – 2, в слободах Зыбиной и Дмитриевке – 29, в слободах Ивановке и Лисице с хуторами – 9 [31, л. 77, 95, 144, 164, 184].

В вотчине работали находившиеся на мирском содержании лекарь, подлекарь и 9 оспопрививателей. Их жалование составляло соответственно 550, 400 и 100 руб. серебром [30, л. 9–9об.].

Вотчинные крестьяне считали, что содержание учителей и медицинских работников тяжким грузом ложится на мирской бюджет. В то же время в 30-х гг. XIX в. они писали в жалобе, что учрежденное правительством училище «доставляет обществу в содержании оною значимость», а посему, резюмировали они, «мы к уничтожению коего не смеем начальства беспокоить». Согласно их формулировке, они были недовольны лишь назначением «без согласия общества» второго учителя – священника Петра Козьмина, – главным образом в связи с «определением оному особого жалования» [30, л. 5].

В той же жалобе сообщалось, что лекарь, получив от графа отпускную, «на простолудинов нимало не обращает внимания... и изворотами уклоняясь от просителей, очень редко и разве к какому-либо достаточному человеку явиться для осмотра и приступу к лечению болезни, на медикаменты же забирает значительную общественную сумму, в коей отчета общество никогда не видит». По мнению составителей жалобы, поэтому его следовало отрешить от должности, назначив при этом лекарем его помощника, который «в простолудном врачестве признательнейший нами» [30, л. 5]. В то же время о назначении ему помощника, состоявшего на мирском содержании, в жалобе речь не шла.

В целом же, согласно источнику, борисовские крестьяне предстают не темными, забитыми, приниженными, а, напротив, энергичными, знающими себе цену, зачастую и предприимчивыми, способными пускаться в оборот с выгодой для себя тысячные суммы. Известна характеристика пореформенного борисовского жителя, которую, по нашему мнению, можно распространить, хотя и не безоговорочно, на местного дореформенного крестьянина: «Но здесь вы уже встречаете не того неподвижного, сосредоточенного и замкнутого хохла, которого видите обыкновенно в мелких деревнях, – нет, малоросс здесь совершенно неузнаваем: он очень подвижен, жив и разговорчив... Характер его напоминает обыкновенного обывателя-ремесленника. За словом он в карман не полезет, шапки ни перед кем не ломает, на ближайшее начальство... и священника, смотрит с усмешечкой. Он чувствует, что он – „не как тот

сиволапый“, что в деревне весь век свой за сохой да бороной проводит, – понимает и „благородное обращение с людьми“ и достаточно знает себе цену» [18, с. 124–125].

Наряду с отдельными параметрами, существуют и интегральные показатели, характеризующие уровень жизни людей. Одним из них считается величина естественного прироста населения. Известный историк П.Г. Рындыонский писал по этому поводу: «Сторонники концепции деградирующего состояния крестьянского хозяйства в последние предреформенные десятилетия делают упор на данные демографической статистики, которые свидетельствуют о застое или даже сокращении численности крепостных крестьян, в чем усматривается наиболее яркий обобщающий показатель бедственного положения деревенского населения, поскольку, как думают, это было сокращением его естественного прироста» [33, с. 57].

Нами были использованы исключительно трудоемкие в разработке ревизские сказки IX ревизии Грайворонского уезда, суммирование цифровых показателей которых о смертности, рождаемости и численности мужского населения по данным VIII ревизии позволило установить, что в период с 1837 по 1850 г. естественный прирост всего сельского населения уезда составлял 13,4%, государственных крестьян – 14,2%, а жителей Борисовской вотчины – 17% [34, с. 195]. И все это несмотря на то, что в 1850 г. еще не были полностью преодолены последствия эпидемии холеры 1847–1848 гг. Следовательно, положение крестьян Борисовской вотчины было лучшим, чем даже положение государственных крестьян. То же, что в ней существовала, пусть и далекая от совершенства, медицинская служба, возможно, позволяло бороться с эпидемией и излечивать заразившихся холерой.

По мнению ряда исследователей, достоверным интегральным показателем уровня жизни людей является их дефинитивный (конечный) рост, ибо он характеризует степень удовлетворения базовых потребностей человека в пище, одежде, медицинском обслуживании, условия и интенсивность труда и др. [21, с. 20].

Единственным источником антропометрических данных в изучаемый период являются формулярные списки рекрутов. Нам удалось выявить в Государственном архиве Курской области данные о росте 591 рекрута из Борисовской вотчины за период с 1812 по 1844 г. Они сведены нами в один девятилетний, два десятилетних и один четырехлетний циклы. Первый цикл (1812–1820 гг.) и последний (1841–1844 гг.), вероятно, не вполне достоверны вследствие малочисленности единиц наблюдения – 20 и 43 рекрута соответственно. Но число рекрутов в совокупности за 1821–1830 гг. и за 1831–1840 гг. представляется нам достаточным, о чем свидетельствуют данные следующей таблицы.

Динамика среднего роста рекрутов Борисовской вотчины Шереметевых в первой половине XIX в. [4– 8; 10–11].

Годы рождения	Число рекрутов	Средний рост
1812–1820	20	166,2
1821–1830	233	165,7
1831–1840	295	165,6
1841–1844	43	166,1

В данной таблице средний рост рекрутов как показатель благосостояния крестьян привязан к годам их рождения, поскольку «первый год жизни является критическим, и потому имеет во много раз большее значение, чем двадцатый год, так как именно на пером году происходит наибольшее прибавление роста и закладываются основы последующего биологического развития» [21, с. 83].

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что в 1821–1830 гг. значение роста было на 0,5 см выше, чем в 1812–1820 гг., но мы не вправе утверждать это абсолютно уверенно, так как выборка за 1812–1820 гг. недостаточно репрезентативна. С 1821 по 1840 г. средний рост новобранцев был стабильным, а в 1841–1844 г. наблюдается незначительное повышение данного показателя (на 0,5 см).

Впрочем, как уже указывалось, численность данной совокупности недостаточна для однозначных выводов.

* * *

Таким образом, крепостные крестьяне крупной густонаселенной, «заглазной», а потому оброчной Борисовской вотчины Шереметевых (что было, скорее, правилом для крупных имений данных владельцев, расположенных вдалеке от столиц), несмотря на сложившееся к середине XIX в. сравнительное малоземелье, благодаря предоставлению существенной свободы в сфере выбора экономической деятельности, широкому развитию ремесленных и «отхожих» промыслов, распространению предпринимательства, а также рациональному подходу в сфере распределения сравнительно «незначительного» для того времени оброка и прочих владельческих повинностей, сохраняли способность как минимум к простому, а зачастую и расширенному воспроизводству жизненных и хозяйственных средств. Впрочем, имело место и существенное расслоение населения вотчины: при наличии немногочисленных по-настоящему богатых, сделавших свои состояния в сфере торговли «капиталистов» или злоупотребляя должностными полномочиями выборных, значительная часть крестьянских хозяйств существовала за счет приложения своего труда на собственном наделе или продажи его на сторону.

Значительную роль в жизни борисовских крепостных, в том числе и экономической, играло общинное самоуправление: ряд проблем находился в первую очередь в компетенции общинного схода и выборных, в каких-то вопросах «мир» и его выборные активно оппонировали представлявшему на месте интересы владельца вотчинному правлению. Выгодно отличало крепостных данной вотчины на общем фоне не только владельческих, но и государственных крестьян наличие народного училища и медицинского пункта (находившихся на иждивении общины, то есть крестьянского общества), а значит, доступ к начальному образованию и примитивному медицинскому обслуживанию. Бесспорным свидетельством роста уровня жизни населения Борисовской вотчины в целом даже накануне реформы 1861 г. являются показатели естественного прироста. Не противоречат им и антропометрические показатели.

Итак, полученные в процессе исследования результаты позволяют заключить, что благосостояние крестьян Борисовской вотчины Шереметевых в течение первой половины XIX в. как минимум не ухудшалось. Несмотря на то что размеры крестьянских наделов, в первую очередь в связи увеличением численности населения, и сократились, это во многом компенсировалось и даже перекрывалось развитием местных и отхожих промыслов, позволявших крестьянам получать больше средств существования, чем в начале изучаемого периода. В целом же рост экономического потенциала местных крестьян явно опережал не слишком значительное повышение владельческих и государственных повинностей.

Библиографический список

1. Багалій Д.І. Історія Слобідської України. Харків: Основа, 1990. 256 с.
2. Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М.: Мысль, 1980. 342 с.
3. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 69 (*Курское губернское рекрутское присутствие*).
4. ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2 (I).
5. ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2 (II).
6. ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 25.
7. ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 35.
8. ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 69.
9. ГАКО. Ф. 128 (*Уездные рекрутские присутствия Курской губернии*).
10. ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 5.
11. ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 202.
12. ГАКО. Ф.184 (*Курская казенная палата*). Оп.2. Д.885.
13. ГАКО. Ф.184 Оп.2. Д. 886.
14. ГАКО. Ф.184 Оп.2. Д. 887.
15. Глава 10. Возникновение Борисовки и образование Борисовской вотчины Шереметевых // История Борисовского края, Борисовскому району – 80 лет, 3-е изд. (Борисовский район, Белгородская область), URL: http://www.borisovka31.ru/book_borisovka.html (дата обращения: 15.07.2021 г.).
16. Глава 13. Борисовская вотчина Шереметевых в первой половине XVIII века // Там же.
17. Глава 14. Борисовская вотчина Шереметевых во второй половине XVIII века // Там же.
18. [Добротворский Н.А.] Кустарные промыслы Курской губернии / сост. Н.А. Добротворским. Курск: Курск. губ. земск. стат. бюро, 1886. 4, II, 255 с.
19. История Борисовского края, Борисовскому району – 80 лет, 3-е изд. (Борисовский район, Белгородская область), URL: http://www.borisovka31.ru/book_borisovka.html (дата обращения: 15.07.2021 г.).
20. Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. Т. 5. Курс русской истории Ч. 5 / под ред. В.Л. Янина; послеслов. и коммент. сост. В.А. Александров, В.Г. Зимина. М.: Мысль, 1989. 476 с.
21. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с..
22. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846 (Военно-учетный архив). Оп.1. Д.18816.
23. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1088 (*Личный фонд Шереметевых*).
24. РГИА. Ф.1088. Оп.6. Д. 1146.
25. РГИА. Ф.1088. Оп.6. Д. 1164.
26. РГИА. Ф.1088. Оп.6. Д. 1191.
27. РГИА. Ф.1088. Оп.6. Д. 1192.
28. РГИА. Ф.1088. Оп.6. Д. 1196.
29. РГИА. Ф.1088. Оп.6. Д. 1237.
30. РГИА. Ф.1088. Оп.6. Д. 1277.
31. РГИА. Ф.1088. Оп.6. Д. 1296.

32. РГИА. Ф.1088. Оп.6. Д. 1297.
33. Рындзюнский П.Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г.? // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 54–70.
34. Рянский Л.М. Об изучении естественного прироста сельского населения в период кризиса феодальной системы // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI – XX в.). Таллин, 1986. С. 193–198.
35. Рянский Л.М. Хозяйство помещичьих крестьян Черноземного центра в период кризиса феодализма в России. (По материалам Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1979. 260 с.
36. Рянский Л.М., Рянский Р.Л. Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX века. 2-е изд., исп. и доп. Курск: Курск. гос. ун-т, 2017. 247 с.
37. Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины. XVII–XVIII вв. Харьков: Харьковск. книжное издательство, 1964. 460 с.
38. Щенетов К.Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708–1885) / под ред. И.И. Полосина. М.: Печатный двор, 1947. 378 с.